

Тринадцать дней до летнего солнцестояния

Въезд с Южной дороги в Гелиоград был увенчан золотыми воротами, так как город был северным, и по другим дорогам путники прибывали редко. Ворота эти не только кричали о благополучии и достатке горожан, но и указывали на главный местный промысел — добычу из недр земли золота, железа и других богатств. После долгих месяцев предпраздничных странствий родные улицы казались маленькими и трепетно светлыми. Коловрат не был тем человеком, который стал бы подолгу рассматривать облака и красивую вещицу, если в том нет действительного прока. Но даже в его сердце шевельнулось что-то тускло-радостное от знакомого пыльного запаха городских улиц. Он, быть может, даже наслаждался бы подобной прогулкой, если бы рука об руку рядом с ним не шёл Агний. Выраженный в легчайшие накидки и нацепивший на себя множество браслетов и разных церковных побрякушек, он здоровался почти с каждым встречным, и ему отвечали радостными почтительными поклонами. В этот день Агний походил на легкомысленного полубога. Коловрат только нарочито равнодушно глядел себе под ноги. — Город ещё ни разу так не украшали... — восхищённо заметил Агний. Улицы были тщательно вычищены, на перекрестках висели красочные гирлянды, цветущей растительности так же явно прибавилось. Даже фасады домов были бережно побелены. Ничего подобного в Гелиограде не бывало ни на Тефлиосову пятницу, ни в неделю без солнца. На то была простая причина: Солнцестояние случалось всего раз в четыре года, а предстоящее к тому же было последним с Агнием в роли помазанника Тефлиоса, а значит, обещало стать особенно зрелищным. — Ага, все в твою честь. — Хмыкнул Коловрат. — Да разве во мне дело? — А чудеса вытворять кто будет? Не понимаю, чего ты отнекиваешься, как будто что-то плохое. — Окончание долгого путешествия давало о себе знать: Коловрат был непривычно откровенен. — Это праздник солнца, непобедимой радости и тепла, — с мечтательной убежденностью ответил Агний, — но проводник чудес и правда я. А украшают город в честь Тефлиоса и всех, кто разделяет его благодать. В честь тебя тоже! Братья углублялись все дальше к центру города. Там, совсем рядом с главным храмом Тефлиоса, располагался добротный отчий дом. И чем ближе к нему они подходили, тем больше воспоминаний оживало в памяти Коловрата. * Десять лет назад. День выдался пасмурным и весьма ненастным по местным меркам: слабый дождь то робко начинал шуршать по крышам, то затихал на полчаса — и так весь день. За окнами было достаточно светло, чтобы не зажигать светильников, так что в вся отчая резиденция была погружена в сероватый полумрак. Выйти на улицу было, конечно, невозможно. Коловрата это не сильно огорчало: в отношении товарищей ему все чаще стала чудиться какая-то двусмысленность, будто против него плёлся заговор. Коловрату казалось, что между собой они перекидывались непонятным ему взглядами. Никаких доказательств у бедного отрока не было. «Друзьями» Коловрата были мальчишки и девицы из богатых кварталов — подросшие дети крупных торговцев, генералов и высоких жрецов, поэтому они сызмальства знали, с кем и как следует обращаться, так что при всем желании даже самые бунташные из них никогда бы не решились в открытую задирать Коловрата. Самому же представителю высочайшей фамилии больше нравилось проводить время среди офицеров или, на худой конец, солдат. Он мог часами слушать о достоинствах и недостатках того или иного снаряжения или байки бывалых вояк. Не от какой-то природной тяги к военному делу — от того лишь, что это было единственное поприще, которое не отвергало его с порога. Для торговли или дипломатии требовался сдержанный нрав и какое-то особое чутьё, о котором Коловрат только и знал, что из чужих рассказов. Что касается духовной стези — то это был совсем мёртвый номер. Для потусторонних сил Коловрата словно не существовало, и даже самые искушённые учителя разводили руками: чего нет, мол, того и нет. Коловрат сидел в своих покоях, маясь от скуки. Где-то с полчаса назад он взял нож и брусок, задумав вырезать из него фигурку шакала, чтобы хоть как-то себя занять. Но, задумавшись, он сам не заметил, как стал попросту кромсать кусок дерева ножом. Вдруг послышался скрип половицы, смягченный тяжёлым ковром где-то в коридоре

палат. Шаги были твёрдые и торопливые. Коловрат отвлекся от своего занятия — слуги так не ходят. Через мгновение раздался чей-то голос, удаляющийся в глубины резиденции. Он точно не принадлежал никому из домочадцев и ещё больше подогрел интерес Коловрата: если гость пришёл даже в дождь, значит на то были по-настоящему веские причины. Отложив в сторону измученный брусок и ножик для резки, Коловрат вышел из своих покоев и осторожно направился в ту сторону, куда, как ему казалось, должен был пойти гость. Коловрат не прогадал. Вскоре он услышал, как за углом коридора челядинец с некоторым сомнением в голосе сказал кому-то: — Позвольте доложить о Вашем прибытии хозяевам и ану Ерёме. Отец Коловрата чуть ли не каждый день звал к себе отобедать высокопоставленных лиц вольного города Гелиограда. И сегодняшним гостем оказался Его преосвященство ан Ерёма, занимавшийся внешними делами города. — Нет у меня на это времени. — Раздался грубый, но без сомнения женский голос. Послышалась возня и неловкий сбившийся топот ног, будто кто-то споткнулся. Коловрат решил, что гостя просто смахнула с дороги бедного челядинца. Затем он отчётливо расслышал, как распахнулась дверь, ведущая в обеденный зал. — Прошу великодушно простить меня за срамное поведение, но дело срочное. Гина Ендвита, ан Атай, ан Ерёма. — Короткая пауза должна была означать поклон. — Могу я отвлечь вас от трапезы? — Гина Железо, я вижу, что Вас привела сюда острая необходимость. — Обеспокоенно, но приветливо ответил Атай, хозяин дома, по совместительству отец самого помазанника божьего Агния, ну, и Коловрата в придачу. — Разумеется, мы Вас выслушаем, проходите, пожалуйста. Взволнованный Коловрат чуть было не высунулся из своего убежища. Вздорную тётку звали Железо, а такое имечко можно было выхлопотать только в Градомудрище. Это обстоятельство вкупе с какими-то срочными новостями от нее, могли решить всю дальнейшую судьбу Коловрата. Дверь в обеденный зал закрылась за гостьей, и Коловрат бросился к ней, чтобы не пропустить ничего из предстоящей беседы высших чинов. Однако ещё прежде, чем он успел расслышать что-либо, из-за угла выбежал Агний. Радостно чему-то улыбаясь, он хотел ворваться в обеденный зал к родителям, но Коловрат незамедлительно схватил его у самого порога: — Играем в «мёртвую», понял? — закрыв Агнию рот ладонью, Коловрат прижал брата к себе так, чтобы тот никак не смог вырваться. Агний хоть и был младше, но вовсе не был дураком и хорошо понимал, что сейчас с ним явно не играют. Однако ни страха, ни возмущения по этому поводу не испытывал, ему только было любопытно, что же такое происходит за дверью, что неприступный Коловрат соизволил его заметить и снизошёл почти до объятий. Коловрат же тем временем вслушивался в разговор за дверью. Ему шел уже пятнадцатый год, и давно было пора определиться с жизненным путём. Матушка к его желаниям относилась холодно и согласилась отпустить сына в казармы только если в ближайшее время конфликт с Градомудрищем выльется в вооружённое противостояние. А значит, любые новости из этого города касались Коловрата напрямую. Голос посланницы с нелепым именем стал вдруг негромким и едва разборчивым. Зато Ерёма то и дело красноречиво вздыхал с облегчением. Атай же не терял времени даром: предлагая сесть за стол и оказать милость разделить обед, он между делом задавал гине Железо вопросы, влезать в которые ему было не положено. Однако отказывать хозяину, тем более такому радушному, у гостыи не хватило твёрдости. — Я ничего не понимаю, — простодушно заявил Атай, — другие сведущие люди говорили совсем иное. Что же делать? — Влепы ошиблись. — Вдруг четко сказала Железо. Очевидно, ей не хотелось и дальше подыгрывать его образу бесхитростного простачка, к тому же, она знала, что за источники были у Атая. — И сведения мои не от людей вовсе. Повисла тишина. Ссылаться на богов в своих заявлениях было очень смело, зачастую рискованно. Обдумав что-то, все, словно по какому-то сигналу, заговорили, даже Ендвита, молчаливая супруга Атая, недоуменно что-то спросила. Коловрат хмуро пытался уловить суть разговора, тяжело вдыхая запах волос Агния. Это случайное обстоятельство, как ни странно, помогло ему сосредоточиться и взять себя в руки — маленький Гиня пах как первый по-настоящему весенний воздух с противоречивой примесью металла. Коловрат невольно ослабил хватку, но Агнию уже и самому было интересно, о чём там спорят взрослые. Из того,

что получилось разобрать Коловрат понял следующее: лишний раз ситуацию накаляли какие-то Влепы, пророчившие войну. Уставшие от разногласий в законах торговцы, ремесленники, любившие положить глаз на соседское сырье и производство — многие были отнюдь не против, что бы один город поглотил другой. Однако Железо сообщала, что сама Натсиаян впервые за без малого десяток лет высказала свою волю земным своим рабам. Богиня строго наказала жрецам прекращать заниматься суетными делами, вспомнить о своем послушании и не вздумать действовать без ее благословения. А это означало, что никакого военного противостояния с Градомудрищем быть не могло. В ответ на такие прекрасные новости Атай уговорил Железо остаться ещё ненадолго и отметить добрый мир. Дальше Коловрат уже не слушал. Стало быть, искать ему теперь свое место в едва знакомых кругах. Его бездарность быстро вскроется, в этом Коловрат был уверен. Впрочем, самыми первыми к нему всегда приходили мрачные мысли. — Ты расстроился? — от обдумывания сложившейся ситуации его отвлек Агний, пытливо заглядывавший ему в глаза. — Но даже Тевфиос не хочет войны. Разве это плохо? — Я не знаю. — Вдруг честно ответил Коловрат. — А я знаю, что все будет хорошо! — Ну-ну, больше веселись, — скривился Коловрат, — может, и для тебя «хорошо» когда-нибудь закончится. * Вопреки обычаям, первым делом Коловрат не отправился докладывать начальству. Проходя знакомым маршрутом, он едва узнавал безупречно отделанные по-новому коридоры. Всего-то пару месяцев прошло, а в Гелиограде будто решили сменить каждый косяк. Но, разумеется, чистота и опрятность были, лучше бесполезных воспоминаний, которые хранили в себе царапины на стенах или протёртые ковры. Коловрат зашёл в приемную и представился челядинцу, который знал его в лицо, как минимум, шесть лет. Такие уж были порядки. Без разрешения в заветный кабинет даже Атая не пускали. Впрочем, местные слуги отличались расторопностью, так что уже через минуту Коловрат зашел в небольшую светлую комнату и поклонился в пояс её хозяйке: — Матушка, счастлив застать Вас в добром здравии. — Он поднял глаза на Ендвиту и, прочитав в них одобрение, приблизился, чтобы поцеловать ее руку. — Рада, что ты прибыл в срок. — Стальной ее взгляд вдруг ненадолго смягчился. — Присаживайся, нам есть, что обсудить. В последней её фразе Коловрат чувствовал явную угрозу. Он сел напротив Ендвиты, перебирая в голове, где же на сей раз он ошибся. Ендвита была в свое время несомненной красавицей. Однако годы и почти затворнический образ жизни превратили её в тощую увядающую особу. Она вечно была занята какими-то таинственными делами. Ендвита была ко всем строга и холода, в первую очередь к своему старшему сыну: — Обо всем, что происходило по программе вашего ярмарочного объезда мне уже доложили. — Начала она, сложив руки замком на дубовом столе. — А ты, будь добр, расскажи о том, что случилось не по программе. — То происшествие с ведьмой было непредвиденным даже для церкви Натсиаян. — Спокойно отвечал Коловрат, зная, что в этом случае никакой его вины нет. — К слову, благодаря этому происшествию мне удалось узнать довольно любопытные сведения... — Свои сведения побереги для жрецов. Я говорю не о том. — Перебила Ендвита. Видя, что Коловрат с глуповатой озадаченностью на лице не может догадаться, о чем она толкует, Ендвита продолжила. — Ты хотел жениться на Влепе. — Ах, это... — он удивлённо выдохнул. Надо же, уже успел забыть о несостоявшейся свадьбе. А ведь в азарте даже и не подумал, что матушка за такое конфету вряд ли даст. Коловрат смутился в ответ пробормотал лишь. — Она... гораздо взрослее своих лет... — Мне неинтересно, сколько ей лет. Хотя жалею, что раньше не углядела за тобой таких наклонностей. — Ей было бы в пору с отвращением скривить рот, но лицо Ендвиты оставалось безразличным. — Во-первых, ты не спросил нашего с отцом благословения, а во-вторых, твой выбор сам по себе далеко не из лучших. С тем же успехом ты мог взять в жёны случайную купчиху. — Вы ведь знаете, она провидица. Это очень полезное умение. — Зато ты ничего не умеешь. Объясни, как так вышло, что она сбежала? Видел бы ты, как твой отец хохотал, когда узнал об этом. А мне вот не до смеха. — Ну не мог же я караул к ее дому приставить. — По большому счету, мог. Это бы вызвало разные толки, но едва ли было бы так позорно, как побег какой-то девчушки от главы делегации. — Она склонила голову на бок.

Этот её жест всегда означал, что она пытается словами достучаться до непутёвого сына, когда строгость и угрозы уже не работают. — Ты дипломат, Коловрат. Договариваться — это твоя работа. А ты не смог договориться с ребенком. Простудируй труды о силе слова, пообщайся со старшими служащими. Ты не безнадёжен, но твои ошибки просто сводят меня с ума. — Вздохнула она. — И последнее. Тебе и правда пора жениться, но вытворять что-то подобное самостоятельно ты больше не будешь. — Вы подыскиали мне партию? — Скоро найду. А теперь иди, тебя ждет ан Ерёма.